

УДК 316.4
ББК 60.5

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

А. Э. Страдзе

Социальная активность в российском обществе как социально преобразующая деятельность различных социальных групп и слоев становится предметом оживленной публичной дискуссии. На обсуждение выносятся вопросы о том, в какой степени российское общество нуждается в повышении активности населения и, что не менее важно, в каких формах выражается социальная активность населения. Выявляется протестная активность, ведущая к росту социальной конфликтности и кризисному развитию общества. Налицо также конструктивная социальная активность, ориентированная на включение и участие различных групп населения в социокультурной модернизации российского общества. Социальная активность в российском обществе рассматривается в структурном аспекте (З. Т. Голенкова, Н. Е. Римашевская), определяются ее институциональные возможности (И. Е. Дискин, М. А. Шабанова). Можно констатировать, что социологический анализ социальной активности приобретает социально-диагностический и социально-прогностический смысл. Так, М. К. Горшков предлагает комплексный подход к проблеме социальной активности, связанный с исследованием различных форм социальной активности в соответствии с социально-статусными и социально-территориальными показателями [Горшков 2011]. Рассматривая перспективы оформления проблемы социальной активности в социологическую парадигму, И. Е. Халий подчеркивает, что осмысление социальной активности требует соотнесения макросоциальных факторов с определенными социальными силами, ценностями и нормами [Халий 2007: 13].

На наш взгляд, актуально значимым представляется анализ идентификационных оснований социальной активности, того, каким образом социальная активность форми-

рует идентификационную матрицу и каким способом в контексте социальной активности индивид или группа самоопределяется в обществе. Так как социальная активность предполагает внедрение и реализацию новых институциональных образцов, связана с переменами в социальном самочувствии и социальной самооценке, можно считать, что доминирующими в понимании социальной активности как конструирования социальной идентичности являются идентификационные тренды, которые, в отличие от привычных маркеров социально-стратификационной принадлежности, фиксируют транзитивность идентификационных образцов и вместе с тем содержат образ самоопределения через самоутверждение в определенных формах социальной активности. Сложность исследовательской ситуации заключается, во-первых, в том, что в российском обществе социальная активность характеризует деятельность 6–7% населения — тех, кто участвует в организованных или нерегулярных социальных акциях. Во-вторых, социальная активность не воспринимается как базовый компонент идентификационного выбора, поскольку все еще доминируют «архаичные» социально-профессиональные и социально-территориальные самоопределения. Поэтому в соотнесении социальной активности и идентификационных трендов важно выявить степень влияния социальной активности на конструирование социальной идентичности и, в свою очередь, определить рамки социальной активности как привязки к определенному идентификационному выбору.

Как показывают данные социологических исследований, проводимых ИС РАН в течение длительного периода, в целом у россиян наметился определенный отход от активности советского периода, которая отождествлялась с идеологическими ориен-

тирами, являлась индикатором социальной и политической лояльности личности. Наряду с этим обстоятельством можно подчеркнуть, что, хотя резко снижается инерциальное влияние «коллективной» активности, ориентированной на принятие социальной макроидентичности, новые идентификационные образцы представляются социально микроскопизированными, не выходящими за пределы референтного круга семьи, знакомых и коллег. Очевидно, что «не работают» идеологические и мировоззренческие маркеры, и это связано с представлением о социальной активности как общественном долге или определенной идеологической ориентированности, так же очевидно, что в российском обществе социальная активность отождествляется с социальным альтруизмом, стремлением приносить общественную пользу, но такая позиция не содержит обязательности идентификационного выбора и зависит от обретения «общего дела» в контексте успешности реализуемой инициативы для формирования чувства социальной сплоченности.

Касаясь идентификационных трендов россиян, также следует подчеркнуть, что в российском обществе заявлена необходимость формирования гражданской нации, в то же время ощущается влияние минимизации социальной активности, противоречащей интересам отождествления индивида с более широкой группой [Горшков 2011: 258]. В современном российском обществе идентичность — это не только и не столько отождествление с социальным слоем, но, прежде всего, определение возможных перспектив продвижения в новом пространстве социального расслоения или отсутствия таких [Социальные трансформации в России 2005: 352]. С этим утверждением можно было бы согласиться, если бы в российском обществе не наблюдалось резкое снижение восходящей социальной мобильности, не возникли псевдосословные перегородки, и идентификационный выбор не базировался на рационализации жизненных шансов. Поэтому идентификационные тренды выявляют преобладание воображаемых, символических идентичностей над социоресурсными идентичностями. Иными словами, социальное самоопределение мыслится не столько как соотнесение с определенными статусными показателями, сколько в большей степени отражает социальные ожидания, стремление к тому, кем бы человек хотел быть.

Социальная активность становится формой социального самоопределения, если включается в ресурсность личности или группы, повышает положительную социальную самооценку и влияет на отношение к обществу и государству.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что только 10% россиян руководствуются интересами государства [Горшков 2011: 265], и такая позиция определяется тем, что социальная активность рассматривается как добровольный индивидуальный выбор, не содержит формулы взаимных обязательств между личностью и обществом и часто стимулируется тем, что население вынуждено возмещать недостатки деятельности органов власти. Идентификационные тренды во многом определяются тем, насколько человек осознает себя близким или далеким от государства, коллектива или своей семьи, и в какой степени он может влиять на принятие тех или иных решений. При этом можно сказать, что 72% респондентов ощущают себя в первую очередь россиянами [Горшков 2011: 275].

Возможно, что расхождение между принятием российской идентичности и перемещением социальной активности на социальный микроуровень является результатом инерциального представления о российской идентичности как «привязанности к государству», фиксирующего определенный правовой статус личности. Вместе с тем российская идентичность представляется параллельной возникающим множественным микроидентичностям. Социальная активность в этом смысле могла бы выступить передаточным звеном, так как она переводит активность микроуровня в состояние формирования общих интересов и, что не менее важно, коллективного самоопределения, принадлежности к социально активным группам как важнейшему социальному ресурсу.

В отмеченной нами ситуации принятие российской идентичности обусловлено легитимацией российской государственности, тем, что россияне исходят из принадлежности к российскому государству как новой идентификационной матрице, хотя и не обладающей позитивной солидарностью, но основанной на национальной гордости и во многом обязанной «исторической памяти». Важным является и то, что в условиях разрушающей глобальной конкуренции, накопле-

ния глобальных вызовов возрастает чувство «суворенности», коллективной самозащиты, связанной с возрастающим внешним давлением, с тем, что несмотря на внутриполитические проблемы, россияне ощущают достаточно высокую степень консолидированности в оценке внешнего мира.

С одной стороны, «плюс» такой ситуации состоит в том, что она препятствует деинтеграции российского общества на социальном макроуровне. С другой стороны, на социальном микроуровне в силу негативной мобилизации общества не наблюдается расширение возможностей социальной активности для определения формулы взаимной обязательности, способствующей усилению значения интегративных поведенческих образцов, что воспроизводит дуализм интересов общества и личности.

Рассматривая данную ситуацию, также следует заметить, что большинство россиян, исходя из того, что гражданская активность является важнейшим элементом социальной модернизации общества, и оценивая ее достаточно высоко (47%), не считает актуальным и важным это качество (23%), более того, угасание ответственности делает ориентацию на гражданскую идентичность в высокой степени декларированной [Готово ли российское общество к модернизации 2011: 97]. Серьезной проблемой развития социальной активности в российском обществе является не только пессимизм по отношению к гражданским инициативам, но и оценка значимости социальной активности.

Социальная активность пока не содержит идентификационные тренды, с которыми можно было бы отождествить интегративные идентификационные образцы. Характерно, что российское общество, реагируя в целом болезненно на национальный, этнический и религиозный экстремизм, не противопоставляет ей социальную активность в качестве гражданского участия. Для большинства россиян «единство общества» остается желанной, но ритуальной формулой. Можно констатировать, что дело не только в советском наследии или в том факте, что российское общество остро ощущает последствия социального неравенства. Важное значение, на наш взгляд, имеет то, что доминирует стремление «нарастить» зарубежные аналоги социальной активности, особенно это касается деятельности общественных организаций, выводящих соци-

альную активность на уровень консолидации социальных общностей [Халий 2007: 73].

Гражданская идентичность не рассматривается в массовом сознании как индикатор социальной зрелости, в то же время оценка социальной идентичности соотносится с тем, как россияне относятся к тем или иным проявлениям социальной активности. В этой ситуации просматривается особенность восприятия социальной активности как активности, направленной на практические дела и не связанной с устойчивым самоопределением. В сложившихся условиях речь не идет о том, что население перестает идентифицировать себя с государственными институтами; в большей степени это касается гражданской солидарности как сопричастности всех членов общества к национальным целям и государственной публичной политике [Горшков 2011: 335].

Идентификация на основе социальной активности связывается с двумя расходящимися тенденциями. С одной стороны, с тенденцией превращения России в общество разумности, стабильности и порядка, с другой — с наступлением периода глубокого кризиса. В то же время активность, рассматриваемая как оказание регулярной помощи и участие граждан в общественной жизни, достаточно низка (по мнению 6% опрошенных) [Горшков 2011: 98]. Это значительно снижает влияние социальной активности на формирование идентичности по сравнению с существующими на социальном микроуровне другими социальными идентичностями, определяемыми по критерию близости или коллегиальности, а также по критерию принадлежности к определенному этносу или конкретной религии.

Общественные организации, работающие по «советской» модели интегрированности с государством, несомненно, вносят вклад в обеспечение «минимального» социального участия населения, но не учитывают фактор гражданской самоорганизации, запоздало реагируют на возникающие социальные, экологические, региональные проблемы. Новые общественные организации, хотя и претендуют на значимую роль в стимулировании социальной активности, не являются доминирующими в определении векторности идентификационных трендов. Речь идет о том, что не достигнуто состояние рационального коллективного субъекта — того состояния, в котором социальная ак-

тивность является организованной формой социального самоопределения.

На наш взгляд, социальная активность, проецируемая на существующие общественные структуры, отличается неопределенностью по отношению к общественным запросам, так как их деятельность характеризуется преобладанием интересов «организационного» воспроизводства и укрепления позиций «профессионального» актива, в меньшей степени — ориентацией на интересы социальных и социально-профессиональных групп, демонстрирующих стремление к социальному «реваншу», наращиванию социально-репутационного капитала.

Можно констатировать, что актуальным является не только формирование необходимого правового и организационного минимума социальной активности, но и перевод «количества в качество», сближение между активом общественных организаций, социальная инициативность которых высоко оценивается россиянами (34,6 %) [О чём мечтают россияне? 2012: 32]. Не преодолев различия между тем, что является сферой личной ответственности, обустройства личной жизни, и тем, что относится к заботе об обществе в целом, динамика общественных настроений показывает, что необходимо расширять возможности социальной активности, понимаемой как привлечение граждан для реализации различных региональных и локальных инициатив. Вместе с тем, формируя представления об общественных организациях как базисных элементах социальной жизни, россияне демонстрируют критический подход к мультилинированию социальной активности.

М. К. Горшков подчеркивает, что есть необходимость усиления аналитического потенциала общественных организаций, которые смогли бы выполнить функцию интеллектуального обеспечения, выработки решений и, с другой стороны, стать инструментом общественного контроля [Горшков 2011: 579]. Иными словами, признается, что современные общественные организации страдают дефицитом не только социальной привлекательности, социальной мобилизационности, но и не отличаются профессионализмом экспертной базы. Что необходимо для обеспечения соответствующего интеллектуального уровня общественных организаций? В связи с этим можно отметить, что в российском обществе существует разрыв между интеллектуальными параметрами

организаций, связанных с профессиональной средой (наука, армия, экология), и организациями, которые формируются под влиянием популярной в обществе проблематики (защита прав человека, коррупция), в которых явно «высвечивается» влияние примкнувших непрофессионалов и популистов.

Очевидно, что защита прав человека, которая призвана оживить борьбу гражданского общества, в реальности приводит к политизации социальной активности, ставит барьеры на пути диалога власти и общества. В сегодняшних условиях есть опасность, что для российского общества реальный запрос на борьбу с коррупцией, улучшение качества жизни, равенство перед законом может превратиться в инструмент манипулирования общественным мнением, привести к противостоянию отдельных общественных групп и государства, учитывая политическую ангажированность грантоориентированного сегмента НКО.

Противоположностью этому является неаффилированное взаимодействие властных структур и общественных организаций по принципу решения сложившихся ситуаций, когда общественные структуры самостоятельны, а государство заинтересовано в том, чтобы получать и увеличивать ресурс социальной поддержки. Оценивая ресурсность общественных движений как институционализированных форм социальной активности, эксперт И. А. Халий отмечает, что, в соответствии с теорией мобилизации ресурсов, ресурсы становятся отправной точкой при выборе тактики действий [Халий 2007: 72–73].

В этом аспекте отметим достаточно интересное явление, когда для большинства организаций заявкой является получение организационных и финансовых ресурсов, вернее, «организация» создается под определенные финансовые ресурсы, причем заявка делается на то, чтобы попасть в строку финансирования. Между тем, упускается из виду то, что наиболее эффективной альтернативой этим сложным процедурам является донорство со стороны бизнес-структур и конкретных граждан. Для этого необходимо, чтобы была заинтересованность в хорошей репутации общественных организаций, с одной стороны, с другой — личная заинтересованность граждан в решении заявленных проблем [Халий 2007: 74]. В реальности же наблюдается иное: общество

ственныe организации часто зависят не от широкой общественной поддержки, а от позиции «спонсоров», что вносит определенные репутационные убытки в реализацию общественных инициатив, сеет подозрения в извлечении ими выгоды.

Но если такова их практика, то стоит ли ожидать поворота к социальной активности населения — в принадлежности к общественной организации как доминирующему идентификационному выбору. Вероятно, оптимальным является нахождение тех локусов общественной жизни, которые волнуют и пострадавших от «перемен», и полагающих свою ситуацию нормальной, что может считаться не менее влиятельной силой сопринадлежности, чем традиционная государственная позиция. Волнующих российское общество проблем достаточно много, начиная от морального кризиса и заканчивая проблемами качества образования, что выявляет потребность в социально активной позиции, позиции, которая содержит сопричастность к группам социального действия, к балансу интересов самореализации и общественной полезности. Эта позиция позволяет преодолеть эффект социального анархизма, получивший распространение в 1990-е годы, и перейти от «маргинализации» социальной активности к ее реальному влиянию на социальное самоопределение россиян, на нарастание идентификационных трендов, связанных с формированием новой гражданской общности. Хотя 40 % россиян позиционируют эгоцентризм, дистанцированность от дел общества и государства, треть населения

готова участвовать в различных общественных движениях на основе формулы взаимного исполнения обязательств [О чём мечтают россияне? 2012: 129].

На основании анализа можно сделать следующие выводы. Во-первых, социальная активность стимулируется идентификационным запросом, запросом на самоопределение человека в российском обществе с конфликтным плорализмом интересов и неоформленностью схем группового и индивидуального представительства. Во-вторых, существующие практики общественных движений показывают, что вне формирования макросистемной идентичности как идентичности гражданской ассоциированности трудно надеяться на укрепление социальной консолидации российского общества. В-третьих, действующие идентификационные тренды выявляют «узость» идентичностей социального микроуровня для решения, казалось бы, частных проблем, так как не повышают степень идентификационной определенности в обществе. В-четвертых, очевидно, что в условиях избыточных социальных неравенств со-принадлежность по формам социальной активности является инструментом повышения социального оптимизма и налаживания форм конструктивного социального взаимодействия между различными социальными группами, которые при ориентации на социально-стратификационные показатели либо вступают в конфликт интересов, либо действуют по схеме ограничения контактов с другими слоями населения.

Литература

- 20 лет реформ глазами россиян*. М.: ИС РАН, 2011. 304 с.
Горшков М. К. Российское общество как оно есть. М.: Новый хронограф, 2011. 672 с.
Готово ли российское общество к модернизации. М.: ИС РАН, 2010. 179 с.

References

- [20 Years of Reforms through the Eyes of Russians]. Moscow, Institute of Sociology of the RAS, 2011. 304 p. (In Russ.)
Gorshkov M. K. [Russian Society as It Is]. Moscow: Novyi Chronograph, 2011. 672 p. (In Russ.)
Khaliy I. A. [Modern Social Movements]. Moscow: Institute of Sociology of the RAS , 2007. 300 p. (In Russ.)

О чём мечтают россияне? М.: ИС РАН, 2012. 181 с.

Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М., 2005. С. 352.

Халий И. А. Современные общественные движения. М.: ИС РАН, 2007. 300 с.

[Social Transformations in Russia: Theories, Practices, Comparative Analysis]. Moscow, 2005. P. 352. (In Russ.)

[What do Russians Dream about?] Moscow: Institute of Sociology of the RAS, 2012. 181 p. (In Russ.)

[Whether Russian Society is Ready for Modernization]. Moscow: Institute of Sociology of the RAS, 2010. 179 p. (In Russ.)